

В синих клубах
кальянного дыма,
еще недавно
окутывавшего вечерами
в выходные кафе
Delight («Удовольствие»)
в Кандагаре, было легко
забыть, что снаружи
идет война.

МОЛОДЫЕ РАБОТАЮЩИЕ МУЖЧИНЫ с ухоженными бородами и модными стрижками сидели, развалившись в бархатных креслах и потягивая крепкий кофе под плоскими экранами, на которых крутили заводные турецкие и индийские музыкальные клипы. (Изображение голых животов женщин в видео размывалось цензорами телеканалов.)

Это был все тот же Афганистан, страна с консервативным мусульманским обществом. Посетители, однако, принадлежали к более демократичному городскому поколению, которое достигло совершеннолетия после правления «Талибана» (террористическая организация, запрещенная в России) и либо

Хафиза смотрит в окно маленького дома возле Файзабада: здесь она нашла убежище после того, как «Талибан» захватил в 2019 году ее деревню. Когда один из ее четырех сыновей вступил в ряды «Талибан», Хафиза умоляла его командира отпустить сына домой. «Ты отдала двух сыновей правительству и одного в [антиталибскую] милицию, — ответил ей командир. — Этот будет нашим».

не помнило, либо помнило смутно репрессивный фундаменталистский режим, появившийся на свет в этом городе и запретивший телевидение, музыку и кино, бритье бород мужчинам, заставивший женщин ходить в бурках, закутанными с головы до пят.

Владелец кафе Ахмадулла Акбари два года провел в космополитичном Дубае, а в 2018-м вернулся, чтобы начать свой бизнес в «Айно-Мина», районе новой застройки на окраине Кандагара. Несколько месяцев назад Акбари установил за стойкой своего кафе мониторы, чтобы следить за картинкой с видеокamer: все тогда опасались «бомб-липучек» – самодельных взрывных устройств, срабатывающих от

звонка с мобильного телефона. Они нацелены на чиновников, активистов, журналистов, представителей меньшинств да и просто на случайных горожан. Это часть стратегии экстремистов – посеять страх в городах.

Заклучив в феврале 2020-го мирное соглашение с Соединенными Штатами, которое обозначило сроки вывода американских войск в 2021 году, воодушевленные талибы стали возвращать контроль над сельскими районами и приближаться к городам с захватывающей дух скоростью.

Но за окнами кафе *Delight* еще недавно царила другая атмосфера. Обсаженные эвкалиптами улицы, дорогие виллы и торговые центры,

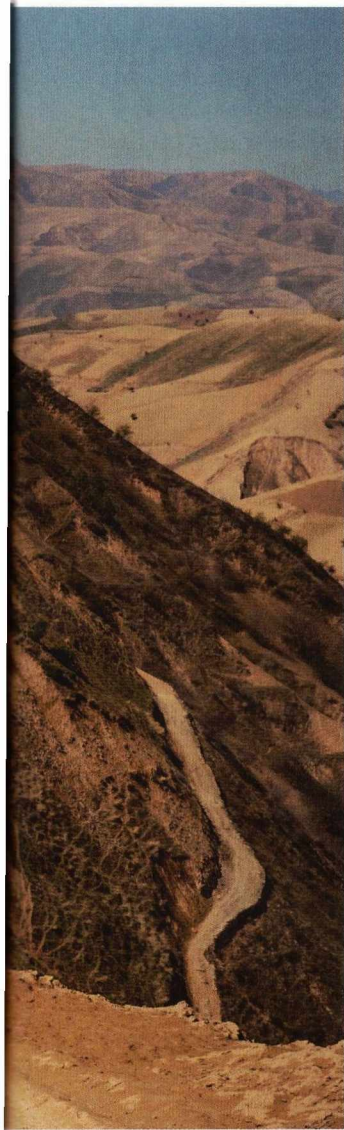
где днем и ночью горит яркий электрический свет, – так выглядела благополучная жизнь в пригороде для афганцев среднего и высшего классов, многие из которых – государственные служащие.

«Здесь нам не о чем беспокоиться», – признавался Сулейман Ариян, 28-летний преподаватель английского языка: он живет в «Айно-Мина» с женой и двумя детьми.

Хрупкое спокойствие было нарушено стремительно и бесцеремонно. 12 августа радикальные исламистские боевики захватили Кандагар, а через три дня сдался и Кабул. Президент Ашраф Гани бежал из страны, на улицах столицы началась стрельба.

Госдепартамент и Пентагон спешно эвакуировали персонал и некоторых афганцев, работавших на американское правительство. Над посольством США в Кабуле спустили американский флаг: многие сравнивали увиденное с падением Сайгона весной 1975-го.

20 лет прошло с тех пор, как США вторглись в Афганистан, чтобы покончить с террористами «Аль-Каиды», стоявшими за атаками 11 сентября, и свалили режим талибов, давший этим террористам прибежище. Лидеры «Талибана» укрылись в соседнем Пакистане, а когда внимание США переключилось на войну в Ираке, стали готовить свое возвращение. На верхней точке, в 2011 году, численность

Проведя четыре недели на отдаленных фронтовых позициях в провинции Бадахшан, сменившие афганские солдаты пешком идут пять часов в столицу региона, город Файзабад. «Талибан» занял эту область в начале июля. Множество солдат и бойцов милиции было убито и взято в плен.

международного экспедиционного корпуса достигла 150 тысяч солдат, а размеры ежегодной помощи правительству, пришедшему на смену «Талибану», – почти семи миллиардов долларов.

Но талибы выстояли, и со временем США решили прекратить самую длинную в своей современной истории войну. На неделе, когда пал Кабул, боевики «Талибана» вернули почти все крупные города и контролировали большую часть из 398 районов в 34 провинциях страны.

Сегодня более 75 процентов афганского населения – молодежь в возрасте до 25 лет: она не может помнить террор времен правления

«Талибана». Жители городов слишком привыкли к свободам и никак не могут приветствовать их подавление. Часть населения в сельской местности считает возвращение фундаменталистов неизбежным и желательным, но многие афганцы, привыкшие к реалиям после 2001 года, решительно против, они не хотят возвращаться к реакционному и репрессивному прошлому.

В СЕМИ КИЛОМЕТРАХ ОТ КАНДАГАРА река Аргандаб долгое время была линией фронта. Ясным мартовским утром самолет А-29 ВВС Афганистана, пикируя, сбрасывал бомбы на цель – дом из саманного кирпича на стороне талибов, грохот разносился по всей долине. Вооруженные боевики отвечали беспорядочным ракетным огнем: от такого гибнут мирные жители, а близлежащая рыночная площадь опустела – все это место стало напоминать город-призрак.

«Ракеты и снаряды каждый день запускают вслепую», – рассказывал Хаятулла. (Как и многие афганцы, мужчина использует только имя.) За несколько месяцев до того Хаятулла бежал из своей деревни в чем был и с тех пор жил в одной комнате с женой и девятью детьми. Как и тысячи других перемещенных семей на юге страны, они ожидали помощи от правительства, которой все нет. «Боевые действия уничтожили наши дома и урожай, и здесь небезопасно», – добавил он, морщась от звуков канонады со стороны бывшей базы США, которую использовала армия Афганистана.

Летом долина реки, давшей свое название всей окружающей местности, становится густым лабиринтом фруктовых садов, каналов и земляных валов, десятилетие назад дававших укрытие боевикам, стрелявшим из засады по американским солдатам.

Со временем здесь стало поспокойнее, и крестьяне вновь могли собирать урожаи винограда и гранатов, которыми славится долина. Но местные жители говорят, что относительное спокойствие было утрачено из-за безудержной коррупции, племенного фаворитизма и произвола полиции, которые озлобили население, лишенное самых базовых удобств. 25 лет назад недовольство коррумпированными полевыми командирами способствовало приходу «Талибана» к власти. Сегодня история повторяется.

Несколько лет назад Аргандаб был самым безопасным районом провинции, сокрушался Шах Махмуд Ахмади, бывший губернатор района: «США сделали то, что должны были сделать, здесь было много хороших проектов. К несчастью, некоторые наши коррумпированные чиновники предали свою страну и только набивали свой карман. Когда людей не

**«С одной стороны – ЛЮДИ
ИЗ КРУПНЫХ ГОРОДОВ, более
либеральные, умеренные и
образованные, но ОТОРВАВШИЕСЯ
ОТ СВОИХ КОРНЕЙ»**

слышат в правительстве, они ищут помощи от других, таких как «Талибан».

Хаджи Адам, племенной вождь на контролируемом талибами берегу реки, жаловался: «20 лет сюда деньги текли со всего мира, но как нам это помогло? Если бы мы распоряжались водой... если бы было электричество, у нас были бы продукты, а не война. Если бы построили дороги, не было бы таких разрушений». С тех пор как талибов изгнали из Кандагара в 2001 году, продолжил Хаджи, ничего значительного сделано не было: единственная крупная больница в области, и та построена китайцами в 1970-х.

В те дни, когда я побывал в больнице «Мирвайс», известной как Китайский госпиталь, она была заполнена пациентами. Тела двух полицейских, раненных при патрулировании, лежали на каталках, они поступили уже мертвыми. В реанимации трое мужчин восстанавливались после взрыва придорожной мины. В коридоре в критическом состоянии лежал 16-летний Лалай, раненный шальной пулей в захваченном талибами районе в шести часах езды от больницы. Родственники привезли его туда после двух неудачных операций в местной клинике. «Он сирота, – прошептал мне дядя паренька. – Родители умерли, и его старшего брата убили три месяца назад». (Позже я узнал, что после месяца лечения Лалаю стало хуже. А еще через десять дней он умер.)

ПРОПАСТЬ МЕЖДУ ГОРОДСКИМИ И СЕЛЬСКИМИ районами Афганистана за последние 20 лет только выросла, и власть игнорировала этот факт. «С конца XIX века не менее десятка раз люди из сельских элит приходили и захватывали власть в Кабуле, делались правителями, а потом со временем становились почти чужими своим родным местам», – говорил мне

Тамим Асаи, бывший заместитель министра обороны и основатель кабульского Института проблем войны и мира. Это война двух мировоззрений и систем ценностей, продолжал он: «С одной стороны – люди из крупных городов, более либеральные, умеренные и образованные, но оторвавшиеся от своих корней. С другой – консервативные сельские афганцы, чувствующие, что центра-

лизованное государство забыло про них».

Полвека Афганистан бросало от переворотов к конфликтам. В 1973 году генерал Мухаммед Дауд изгнал короля Захир-шаха и объявил себя президентом. Через пять лет афганские коммунисты убили его и захватили власть. В 1979-м последовало вторжение Советского Союза, целью которого было поддержать не пользовавшихся популярностью коммунистов. Это разожгло партизанскую войну, растянувшуюся на десятилетие. США через Пакистан направляли миллиарды долларов антисоветски настроенным бойцам-моджахедам – включая саудовского джихадиста Усаму бен Ладена, – и со временем они вынудили советские войска уйти. Договоренности о разде-

**«С другой – консервативные
СЕЛЬСКИЕ АФГАНЦЫ, чувствующие,
что централизованное ГОСУДАРСТВО
ЗАБЫЛО ПРО НИХ.»**

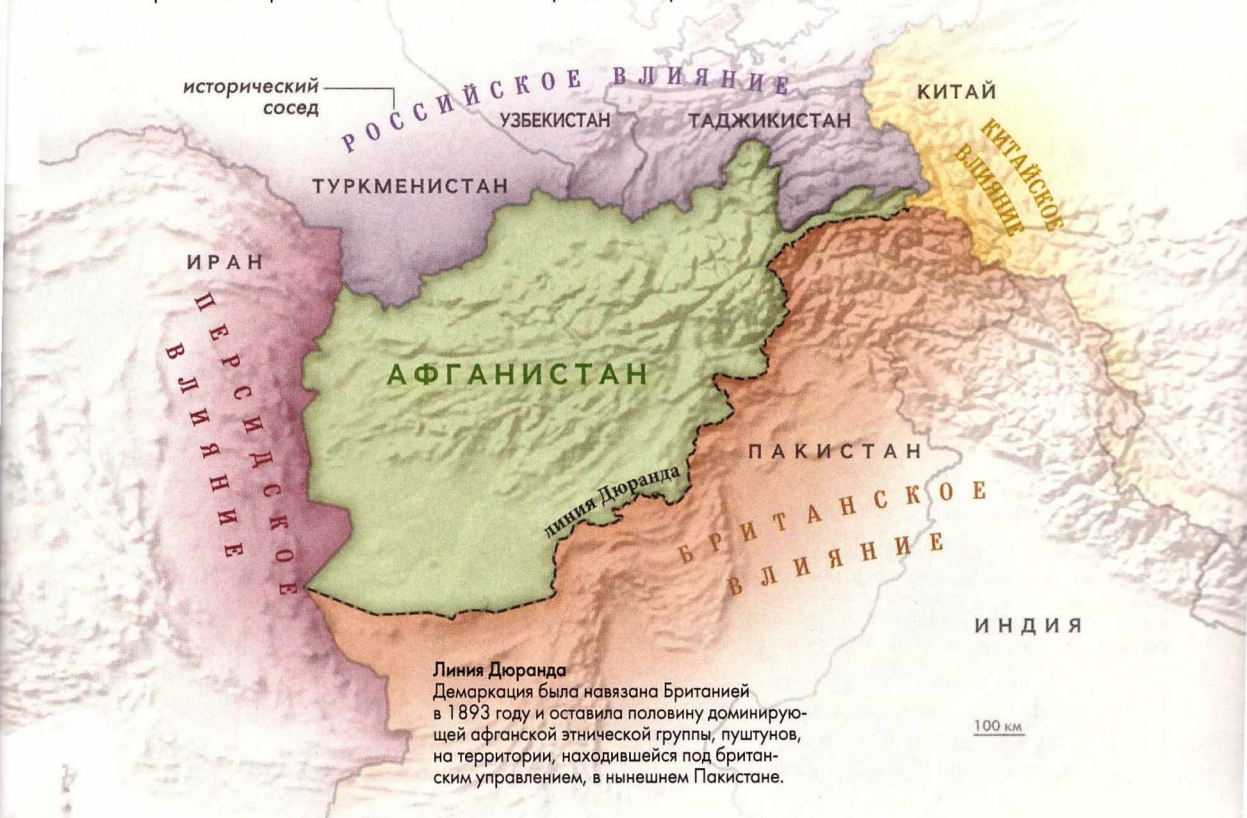
ТАМИМ АСАИ, бывший министр обороны

ле власти достичь не удалось, и силы боевиков разделились на враждующие группировки. Среди этого хаоса возник и в 1996 году захватил власть «Талибан».

Газеты запестрели сообщениями о том, как талибы внедряют законы шариата, притесняют женщин и меньшинства, разрушают памятники культуры, дают прибежище «Аль-Каиде».

ВЕКОВАЯ ВРАЖДА

СТРАНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, не имеющая выхода к морю, окруженная горами, пустынями и соперничающими империями, была в центре войн и дипломатических интриг с самого основания Афганской империи в 1747 году. Век спустя геополитическое соперничество между интересами Британии в Индии на востоке и России на севере сказалось на границах государства. Национальная идентичность Афганистана выковывалась в его современной истории через сопротивление иностранным вторжениям, в том числе со стороны иноверцев.

Линия Дюранда
Демаркация была навязана Британией в 1893 году и оставила половину доминирующей афганской этнической группы, пуштунов, на территории, находившейся под британским управлением, в нынешнем Пакистане.

1820 1860 1900 1940 1980 2020

Первая англо-афганская война (1839–1842)

Вторая англо-афганская война (1878–1880)

Третья англо-афганская война (1919)

свержение последнего короля (1973)

вторжение СССР (1979–1989)

появление «Аль-Каиды» (конец 1980-х)

власть «Талибана» (1996–2001)

вторжение США (2001)

возвращение «Талибана» (2021)

Правление королей (1747–1973)
Афганистаном правят монархи, исключительно пуштуны – доминирующая в нынешнем «Талибана» этническая группа.

Англо-афганские войны
Британия трижды пытается аннексировать Афганистан, чтобы противостоять притязаниям России и защитить британское владычество в Индии.

Вторжение СССР
Советский Союз выступает на стороне непопулярного просоветского правительства. Появляется исламистское партизанское сопротивление.

Вторжение США
Режим талибов изгоняется за поддержку «Аль-Каиды» и Усамы бен Ладена после террористических атак на США 11 сентября.

«Талибан» возвращается
Американские военные уходят, и «Талибан» восстанавливает контроль над Афганистаном через два десятилетия после изгнания из страны.

СРАЖАЮЩИЙСЯ АФГАНИСТАН

Страна управляется центральным правительством в Кабуле, но 75 процентов афганцев проживают в сельской местности, и столичным властям до них не добраться. Коррупция, беспомощность правительства, отсутствие инфраструктуры и минимум доступных услуг облегчили «Талибану» вербовку на протяжении двух последних тревожных десятилетий.

Интенсивность конфликта, январь 2017 – июнь 2021

низкая высокая

Плотность посевов мака на землях сельскохозяйственного назначения, 2020

отсутствует низкая высокая

- населенные пункты
- ▨ пуштунские области
- ▨ хазарейские области
- ↔ пограничные посты
- ◊ база НАТО, апрель 2021

КОЛЬЦЕВАЯ ДОРОГА

Шоссе длиной в 2250 километров соединяет города и дает сельским районам доступ к рынкам, больницам и школам. Сооружение дороги началось в 1950-х при содействии сначала СССР, а затем США. Последовавшие десятилетия конфликтов обернулись тем, что большая часть шоссе оказалась разрушена. С 2002 года США потратили около трех миллиардов долларов на строительство дорог в Афганистане, но Кольцевая дорога (служащая также и основной артерией наркотрафика) снова нуждается в ремонте.

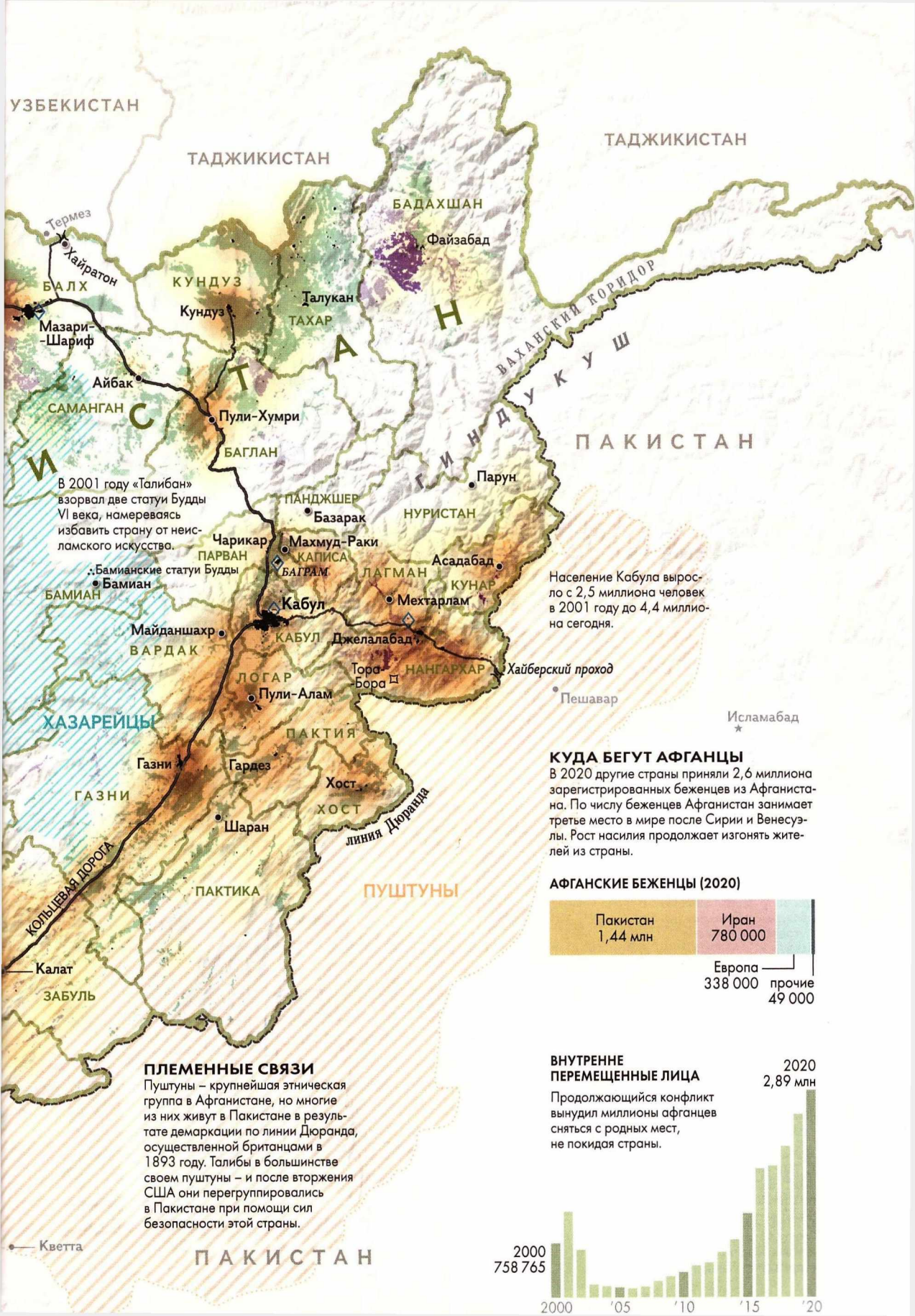
ХАЗАРАДЖАТ

На возвышенности в центре страны проживает этническая группа хазарейцев. Это этническое меньшинство мусульман-шиитов, преследуемое «Талибаном» и ИГ – экстремистами-суннитами.

ОПИЙНЫЙ УРОЖАЙ

Урожай опийного мака в Афганистане, по некоторым оценкам, обеспечивает более 80 процентов мировой торговли героином. Выносливые посевы не боятся тяжелых местных условий и приносят деньги крестьянам, лидерам «Талибана» и государственным чиновникам.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

«Талибан» – порождение гражданской войны, вспыхнувшей в 1990-х после ухода советских войск. Военная группировка исламистов захватила контроль над Кандагаром в 1994 году и над Кабулом в 1996-м, получив власть почти над всем Афганистаном, пока США не вторглись в 2001 году. Сейчас они возвращают контроль во многих областях, используя плацдармы в сельской местности для продвижения к городам по мере ухода США.

Контроль над столицами провинций:

- Талибан
- под угрозой Талибан
- правительство Афганистана, или Северный альянс

Влияние Талибан в провинции:

- полный контроль
- значительное
- умеренное
- минимальное
- отсутствует или незначительно

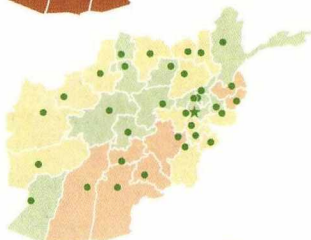
ДО ТЕРАКТОВ 11/09 2000 год

Талибы контролируют большинство провинций и их столиц. Северный альянс контролирует 10% территории страны в горных областях на северо-востоке.

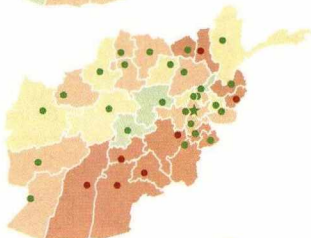
ПОСЛЕ ВТОРЖЕНИЯ США 2002 год

США вытесняют «Талибан» из Кабула и столиц всех провинций. Лидеры талибов бегут в Пакистан. Через два года будет принята новая конституция, избрано правительство.

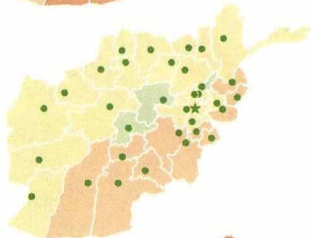
ДО НАСТУПЛЕНИЯ ВОЙСК США 2009 год

Накопив силы, «Талибан» возвращает контроль над несколькими областями и угрожает занять столицы многих провинций.

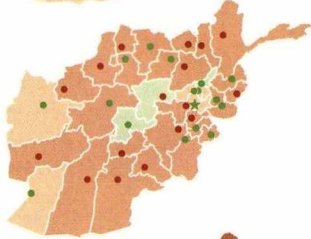
ПОСЛЕ НАСТУПЛЕНИЯ 2012 год

После двухлетнего наступления войск США НАТО возвращает контроль над большинством областей, отбрасывая талибов в укрепленные районы в сельской местности.

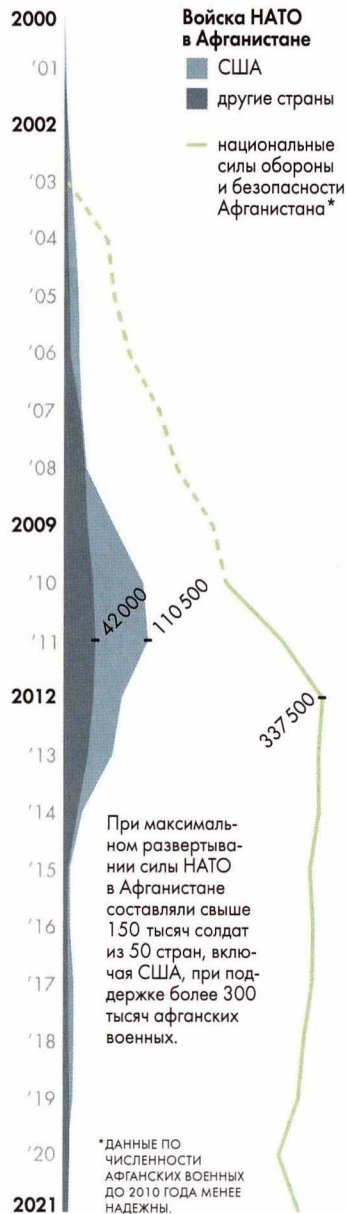
ВЫВОД ВОЙСК 2021 год (данные карты по состоянию на 1 июля)

«Талибан» начинает возвращать обширные области, НАТО передает первичные задачи обеспечения безопасности афганским военным.

ОТВЕТНЫЙ УДАР 2021 год (данные карты по состоянию на 13 августа)

Власть в большинстве провинций и их столицах переходит к «Талибану».

После событий 11 сентября 2001 года США вторглись в Афганистан, чтобы искоренить тех, кто стоял за атаками, но была и другая, менее четко сформулированная задача. Лидеры США и НАТО надеялись, что экономические возможности и демократические реформы способны уберечь страну от перспективы снова стать приютом террористов.

Положение женщин улучшилось – это касалось и образования, и участия в политической жизни, но бурный прилив иностранных инвестиций только увеличил разрыв между городом и деревней. Зарубежная помощь и военные контракты надули экономический пузырь в городах. Тем временем большинство афганцев продолжает жить натуральным хозяйством, несмотря на 144 с лишним миллиарда долларов, вложенные США с 2001 года в реконструкцию страны, – куда больше (даже с учетом инфляции), чем было потрачено на восстановление Западной Европы после Второй мировой войны.

Отдавая себе отчет в этом неравенстве, первый избранный президент Афганистана Хамид Карзай запустил амбициозные программы развития сельского хозяйства. Под руководством Ашрафа Гани, бывшего чиновника Всемирного банка, а с 2014 года – президента страны, центральное правительство направило почти три миллиарда долларов, предоставленных международными донорами, самоуправляемым советам коммун на финансирование местных нужд и займов. Были потрачены миллиарды на дороги, связывающие деревни и рынки. Инвестиции оправдывали часто повторяемой мантрой: «Где кончаются дороги, начинается “Талибан”». (По иронии судьбы, дороги очень помогли и боевикам, и торговцам опиумом.)

«Доступ к дорогам, современное образование, здравоохранение, электричество – все это должно было способствовать стабильности в стране», – рассуждает Ричард Баучер, помощник госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии с 2006 по 2009 год. Теория была хороша, добавляет он, но хромала практика: «Нам следовало приложить больше усилий к обучению класса афганских технократов, людей, которые внедряют программы, ведут счет деньгам и проводят политику правительства. Мы тратили слишком много денег на себя и своих подрядчиков и не так много – на народ Афганистана».

Контракты на реконструкцию и обеспечение безопасности контролировались полевыми командирами и элитами, кормившими многочисленных родственников и земляков. Согласно антикоррупционному НКО *Integrity Watch Afghanistan*, почти все крупные контракты получают люди, тесно связанные с чиновниками. Рахматулла Амири, аналитик по вопросам безопасности из Кандагара, говорил: «К этому времени у нас должны были появиться институты. Вместо этого мы имеем индивидуалов».

Согласно докладу Генерального инспектора США по восстановлению Афганистана от октября 2020 года, обнаружилось, что из 63 миллиардов долларов Фонда восстановления, по которым готовился отчет, почти треть, около 19 миллиардов, была потеряна «вследствие растрат, мошенничества и злоупотреблений». Часть денег осела в Кабуле, где нувориши катаются среди небоскребов и охраняемых жилых комплексов в бронированных *Lexus* и с эскортом автоматчиков. При этом несчетные миллионы наличными были вывезены в Дубай чиновниками и их приспешниками и спрятаны на счетах или превратились в элитную недвижимость.

Распространившаяся сверху вниз коррупция, подпитываемая иностранными деньгами, нанесла наибольший ущерб полиции. «Если полицейскому участку требуется 15 сотрудников, то их будет только три, остальные деньги будут разворованы», – говорил Ахмади, бывший глава района в провинции Кандагар.

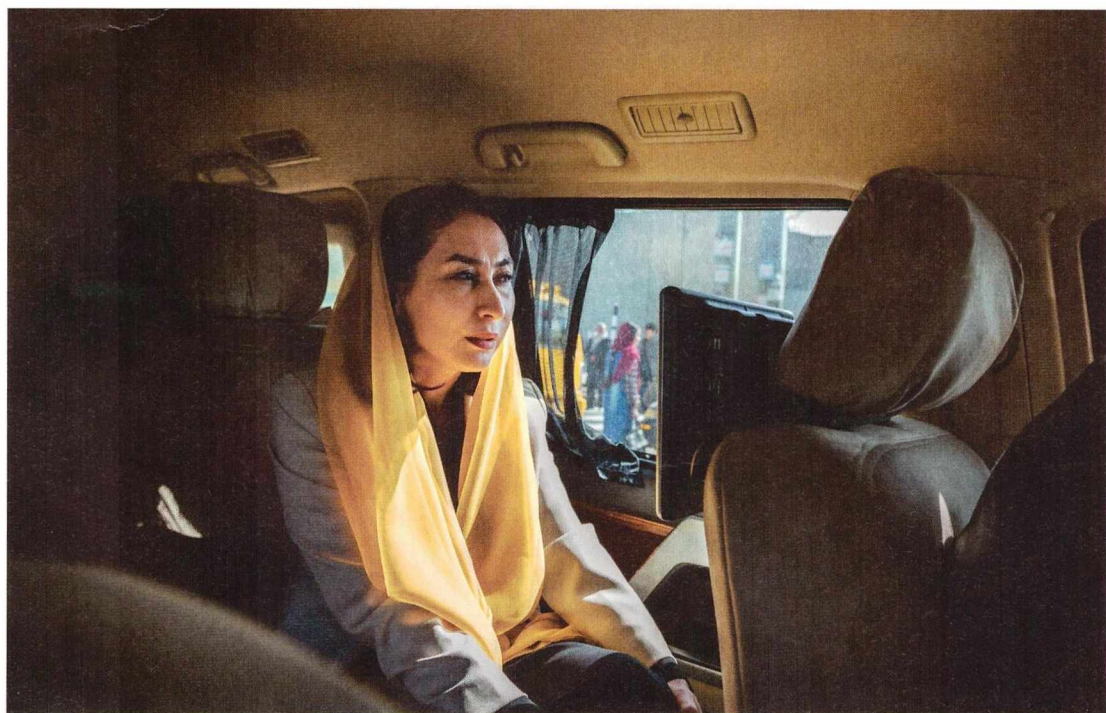
Полиция плохо оснащена, и ее сотрудники занимаются вымогательством – за что их ненавидят почти повсеместно. «Талибы не делают ничего полезного для людей и не строят домов или клиник, но они хотя бы не воруют», – уверял Абдулла Джан, безработный крестьянин, бежавший из Аргандаба. И это распространенное среди сельских жителей убеждение.

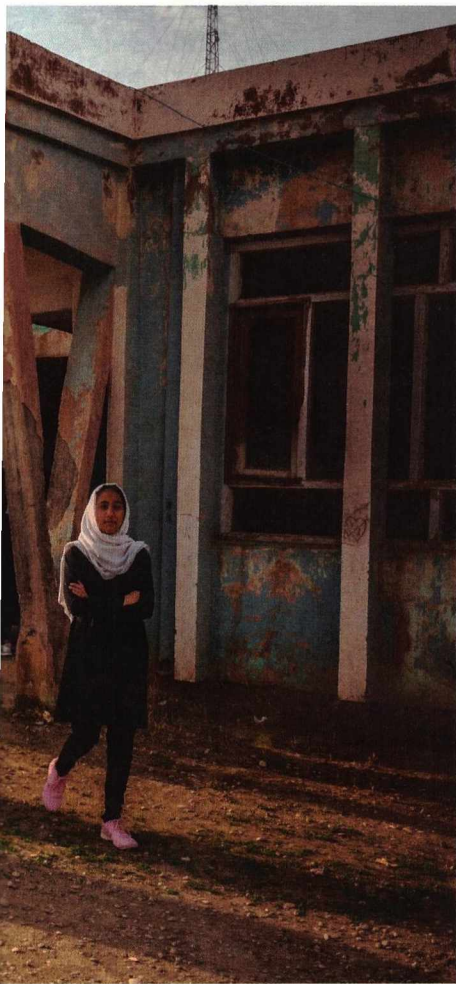
ОБЗАВЕДАСТЬ ПОЛЕЗНЫМИ СВЯЗЯМИ, Махмуд Карзай оставил сеть афганских ресторанов в США и вернулся домой застолбить за собой участие в строительном буме, стартовавшем после 2001 года. Старший брат тогдашнего президента Афганистана Хамида Карзая, он стал движущей силой «Айно-Мина» – одного из самых успешных в Афганистане частных девелоперских проектов.

Девочки-узбечки, представительницы этнического меньшинства, выходят из Школы имени маршала Дустума в Шибаргане, провинция Джаузджан на северо-западе страны. Семьи более двух десятков учениц переехали в столицу провинции после того, как в 2018 году «Талибан» захватил южные районы Джаузджана и, как водится, запретил обучение девочек.

ВНИЗУ

Член парламента Райхана Азад едет по улицам Кабула в бронированном джипе на законодательную сессию в Международный женский день. 38-летняя политик отправила своих детей за границу и опасается, что ей придется последовать за ними, если к власти вернется «Талибан».

«Я всегда рисковал. Был бы у меня миллион, я бы поставил его на кон в Лас-Вегасе», – говорил Махмуд, принимая гостей в своем выдержанном в итальянском стиле офисе в центре комплекса. У двери висел портрет маслом еще одного брата Карзая, Ахмеда Вали. До самой смерти (его убили в 2011-м) Ахмед Вали возглавлял совет провинции Кандагар и был самым важным человеком на юге Афганистана – а еще символом неудачной миссии Соединенных Штатов. Бизнесмен, проводник политики властей (по слухам, состоявший на зарплате у ЦРУ), он, как считалось, использовал свое положение и связи для прикрытия наркотрафика и отмывания денег в грандиозном масштабе.

Взлет Махмуда Карзая тоже был омрачен подозрениями в нечестной игре, особенно скандалом 2010 года в *Kabul Bank*, тогда

крупнейшем частном банке страны, где брат президента был держателем третьего по размеру пакета акций. Слухи о том, что банк вот-вот лопнет, спровоцировали панику, чуть было не вызвавшую его крах. Независимое расследование обнаружило, что из банка было украдено около 900 миллионов долларов (8 процентов тогдашнего ВВП страны). Суд присяжных в США расследовал дело Махмуда Карзая по подозрениям в рэке и уклонении от уплаты налогов в сделках с недвижимостью в Дубае, но обвинение ему предъявлено не было.

Махмуд отметал эти обвинения, как прои-ски врагов семейства Карзай, однако не мог не признавать: близость к власти ему помогла. Именно в бытность Хамида Карзая президентом губернатор Кандагара выделил его брату земельные участки под «Айно-Мина».

Махмуд рассказывает, что начинал с 50 тысяч долларов собственных сбережений и еще на три миллиона получил ссуду от американского правительственного агентства. «Богатство пришло и досталось немногим, и я один из них, – говорит он без стеснения. – К сожалению, многие афганцы не получили положенной им доли. Мы слишком много внимания уделяли развитию городов, но забыли про сельские районы. А как раз там, в сельских районах, у людей оружие».

В прошлом году президент Ашраф Гани назначил Махмуда Карзая министром городского и сельского развития. Новоявленный министр пообещал сделать жилье более доступным для городского населения: численность горожан быстро растет на фоне мрачных новостей о ситуации с экономикой и безопасностью в сельской местности. Еще недавно Махмуд расширял программу доступного жилья в «Айно-Мина» и готовил новый, более крупный проект с государственным финансированием: охраняемые жилые комплексы в американском стиле неподалеку от Кабула, на площади свыше 5 тысяч гектаров. «Спрос громадный, – в голосе министра слышался предпринимательский азарт. – Если я все продам, я стану очень богатым». При этом он признавал, что не уверен в будущем страны. Махмуд предсказывал, что после ухода США «Талибан» захватит страну силой. Сам он заявлял, что намерен уехать из страны, если начнется гражданская война: «Не хочу, чтобы меня убили».

СИДЯ В ЛОББИ ПЯТИЗВЕЗДОЧНОГО кабульско-го отеля «Серена» несколько месяцев назад, 38-летняя Райхана Азад, член парламента с 2010 года, так и лучилась благополучием. В облегающем черным деловом костюме, без платка на голове, она разговаривала со скоростью и громкостью пулемета. По происхождению Райхана из хазарейцев и родилась в глухом уголке провинции Дайкунди. В 13 лет

«Я БОЛЬШЕ НЕ БОЮСЬ.

**Я продолжаю бороться за то, ЧТОБЫ
СЛЕДУЮЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ
ЖИЛИ не так ужасно, как мы.»**

РАЙХАНА АЗАД, депутат парламента

ее выдали замуж по уговору родителей, и она родила двоих детей. На этом история могла закончиться, но Азад не бросила школу, получила работу в образовательном проекте ООН и добралась до Кабула, где выучилась на юриста.

Знание законов пригодилось Райхане, когда она добивалась развода через суд; разрушение вековых скреп сделало ее изгоем в собственной семье. Затем женщина выдвинула свою кандидатуру в депутаты и была избрана в парламент, а впоследствии переизбиралась несколько раз, несмотря на то что никогда не скрывала своих взглядов на семью и религию (она атеистка). «Людей не интересует моя личная жизнь, потому что я работаю для них и всегда говорю им правду», – пожимает плечами Райхана.

С такой позицией Азад предсказуемо нажила себе врагов. Она пережила взрыв смертника, ее пытались убить в поездке по сельским районам. Угрозы жизни вынудили депутата отправить детей за границу, часто переезжать с места на место и передвигаться в бронированном джипе. «Я больше не боюсь, – говорила Райхана. – Я продолжаю бороться за то, чтобы следующие поколения жили не так ужасно, как мы».

Ее водитель пробирался через лабиринт бетонных заграждений и блокпостов на пути в парламент. Азад ехала принять участие в общем голосовании, чтобы поддержать коллегу-женщину. Перел возвращением талибов среди депутатов парламента было 27 процентов женщин – доля, сопоставимая с Конгрессом США.

Отчасти это происходит благодаря предусмотренным в Конституции квотам, принятым после победы над режимом талибов.

Райхана – независимый депутат; она отказывалась от коалиции с силовиками; она отстаивала интересы своих избирателей в провинции Дайкунди. Этот изолированный, лишенный инфраструктуры регион – место компактного проживания этнического меньшинства, хазарейцев. «Правительство и зарубежные доноры сосредоточили внимание на небезопасных районах, рассказывала депутат. – Мы провинция исключительная, и про нас забыли».

Провинция Дайкунди расположена в 400 километрах к западу от Кабула и три месяца в году отрезана от соседей: зимой сюда не проехать. Да

и в хорошую погоду путь до столицы занимает двое суток или больше – по ужасной грунтовой дороге, где велика вероятность встретить талибов или просто бандитов. Маленький аэропорт используют в основном военные; если у вас хорошие связи, можно воспользоваться вертолетами помощи ООН, которые поднимаются над снежными вершинами и кишлаками, словно высеченными из камня.

Дайкунди – один из самых миролюбивых регионов Афганистана. Значительную часть населения составляют хазарейцы, мусульмане-шииты, которых «Талибан» преследовал, как еретиков. Культура хазарейцев более прогрессивна: мальчики и девочки обычно обучаются вместе, многие говорят по-английски, женщины вовлечены в сельское хозяйство, управляют бизнесом и водят автомобили. Абитуриенты-хазарейцы часто показывают лучшие результаты при поступлении в университеты, даже когда некоторым приходится сдавать экзамены на улице, сидя на корточках в снегу. «Образование для нас важнее всего, – говорил Рахматулла Султани, бывший пастух, прошедший обучение в университете и преподающий английский в финансируемом США учебном центре в Нили, столице провинции, и добавил: – Образование означает свободу, возможность думать самостоятельно и выбирать свой собственный путь».

...По утрам миловидная 22-летняя девушка Назанин Мохаммади проходит пешком шесть с половиной километров от дома, где она с подругами снимает квартиру, до кампуса

университета. В ее родной деревне, до которой десять часов езды на машине, нет электричества и водопровода. Почти все ее ровесницы вышли замуж еще подростками, но Мохаммади не ушла из школы, вдохновленная примером депутата Райханы Азад. Назанин поставила себе цель: получить диплом магистра факультета развития сельских регионов, а затем должность в Министерстве сельского хозяйства в Кабуле, чтобы вернуться домой и помогать модернизировать отрасль.

В новых условиях эта цель уже не выглядит достижимой.

УДАЛЕННОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ и сложный рельеф стали причиной изолированности и неразвитости горных районов, но эти же факторы не оградили хазарейцев от преследований этнических и религиозных меньшинств со стороны «Талибан» и «Исламского государства» (ИГ, террористическая организация, запрещенная в РФ). Когда мирные переговоры между правительством Афганистана и талибами зашли в тупик, в провинции вновь стали формироваться так называемые этнические ополчения: многие ожидают возобновления гражданской войны.

После того как США подтвердили вывод своих войск, силы «Талибана» вернули себе столицы большинства провинций. Однако многие в Вашингтоне, включая, например, бывшего высокопоставленного дипломата Ричарда Баучера, считали, что пришло время остановить бесцельную войну, которая обошлась американским налогоплательщикам в два триллиона долларов. Помимо этого, по оценке проекта «Цена войны» Университета Брауна в Провиденсе (США), война унесла свыше 170 тысяч жизней – гражданских лиц, солдат, полицейских, повстанцев, солдат и подрядчиков США и НАТО, журналистов и сотрудников гуманитарных миссий. «Мы пробыли здесь два десятилетия, и у нас нет афганского правительства, способного защитить себя и обеспечить безопасность», – сокрушался Баучер.

«За эти 20 лет мир потерял прекрасную возможность и не сможет вернуть ее еще лет 40, – вторил ему аналитик из Кандагара Рахматулла Амири. – “Талибан” придет, хотим мы этого или нет». Части армии Афганистана пытаются сдерживать наступление талибов при все меньшей поддержке с воздуха со стороны

США, но усталость и дезертирство выкашивают ряды бойцов.

С полицейским Абдулом Гафуром мы встретились несколько месяцев назад на одиночном блокпосту в получасе езды от Кандагара. В непосредственной близости от позиций «Талибана» Абдул, помятый и пошатывающийся от недосыпа, рассказывал, что снайперы противника, оснащенные американским оружием и биноклями ночного видения, по всей видимости конфискованными у солдат армии Афганистана, атаковали с наступлением темноты. В бою были тяжело ранены три его товарища.

Гафуру 22 года, он хотел изучать медицину, но возможностей в его родной провинции Каписа практически не было. Патриотический настрой позвал Абдула в ряды полиции с крошечной месячной зарплатой в 13 тысяч афгани (165 долларов). Он помолвлен, но свадьбу вынужден переносить, потому что последние полгода не получал зарплаты. «Наши зарплаты пропадают в системе, – вздохнул Абдул. – Но нам нужно защищать страну, пока мы живы и кровь течет в жилах».

Неизвестно, где сейчас Абдул Гафур и что с ним, но в провинции Каписа власть принадлежит талибам.

Хотя «Талибан» отказался делиться властью с правительством Афганистана, талибы не смогут в этом новом Афганистане смотреть на людей лишь через дуло автомата, убежден Тамим Асаи, бывший чиновник из Министерства обороны: «Свободолюбивое, либеральное и толерантное поколение подхватит знамя нового Афганистана после ухода США, и эти люди не потерпят, чтобы их матерей и сестер били кнутом у них на глазах или вешали людей на улицах».

Райхана Азад не настроена столь оптимистично. Она глубоко разочарована тем, что Вашингтон заключил сделку с талибами, не предусмотрев защиты для женщин и меньшинств. Когда мы впервые встретились с ней, Райхана сказала мне, что афганцы будут противостоять «Талибану». С тех пор, как США объявили о полном уходе, Азад стала циничнее. Ей осталось два года до конца депутатского срока, и она думает о том, чтобы уехать из страны. □

Джейсон Мотлаг, писатель и кинематографист, освещающий войну в Афганистане с 2006 года. **Киана Хайери**, канадка иранского происхождения, фотограф, работала в Афганистане с 2013 года.